DOI: 10.17976/jpps/2018.03.02

УГРОЗЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ – МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

А.Г. Арбатов

АРБАТОВ Алексей Георгиевич, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва. Для связи с автором: arbatov@imemo.ru

Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные. – Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 7-29. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.02

Статья поступила в редакцию: 11.03.2018. Принята к печати: 28.03.2018

Аннотация. Практическая концепция "стратегической стабильности" родилась в конце 1980-х годов в контексте переговоров США и СССР о СНВ-1, которые послужили основой для сокращения стратегических наступательных вооружений. В совместном американо-советском заявлении от июня 1990 г. "стабильность" была определена как состояние стратегических отношений, которое "устраняет стимулы для ядерного удара первой". Увы, в течение прошедшего времени понимание США и России этого понятия сильно расходилось, и в настоящее время между странами практически нет общей почвы. Усилия по поддержанию этой концепции должны быть реализованы в рамках возрожденного российско-американского диалога. Очевидно, что версия стратегической стабильности 1990 г. должна быть обновлена и усовершенствована, чтобы принять во внимание некоторые новые события, которые произошли в течение прошедшего времени, в частности, развертывание ПРО в США, России и некоторых других странах. Еще одним фактором является развитие эффективных крылатых ракет большей дальности (а в будущем – гиперзвуковых систем), способных атаковать стратегические силы противника. Другие проблемы – это потенциальные системы космической войны; технологии кибервойны; растущие ядерные силы третьих государств. Особую озабоченность вызывает продолжающаяся дезинтеграция системы и режимов контроля над вооружениями. Вышеупомянутые новые тенденции и проблемы являются предметом этой статьи, как и предложение мер, необходимых для сохранения и обновления стратегической стабильности.

Ключевые слова: ядерное оружие; стратегическая стабильность; противоракетная оборона; гиперзвуковое оружие; космическое оружие.

В последние десятилетия в дискуссиях по военно-политическим вопросам трудно найти понятие более широкого употребления (и злоупотребления), чем "стратегическая стабильность". Среди множества оттенков его смысла можно выделить две крайности: широкую и узкую интерпретацию. Первая фактически приравнивает этот термин к понятию "международная безопасность" и использует его в духе излюбленного российского тоста: "За все хорошее!".

Узкая интерпретация относится к состоянию военно-стратегических отношений государств и родилась в ходе эволюции ядерного баланса и переговоров между СССР и США. Хотя концепция нередко используется в пропагандистских целях, она все же имеет конкретный согласованный смысл и служила основой договоров о сокращении стратегических вооружений.

За последние три десятилетия ядерные арсеналы России и Соединенных Штатов были сокращены в 6-7 раз по числу боезарядов и более чем в 30 раз по суммарной разрушительной мощи (мегатоннажу) [Ежегодник СИПРИ

2016: 648-717; SIPRI Yearbook 1990: 3-51]. Стратегический баланс сейчас стабилен, как никогда раньше – по согласованным критериям этого понятия. Тем не менее, как ни парадоксально, за несколько прошедших лет стороны все дальше расходятся в понимании стратегической стабильности. Это создает реальную опасность ускорения гонки вооружений и распада системы контроля над ядерным оружием. Еще хуже, что вероятность применения ядерного оружия (ЯО) стала ныне намного больше, чем четверть века назад, когда родилась концепция стратегической стабильности и началось реальное ядерное разоружение.

В предлагаемой статье исследуются реальные и мнимые причины сложившегося положения, предлагаются пути его исправления на благо российской и международной безопасности.

СТАБИЛЬНОСТЬ В КЛАССИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ

Понятие "стратегическая стабильность" было сформулировано как правовая норма в первый и, к сожалению, в последний раз в июне 1990 г. в Совместном Заявлении России и Соединенных Штатов[1]. Это понятие определялось как стратегические отношения, устраняющие *"стимулы для нанесения первого ядерного удара"*. Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов:

– *"Взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями"* (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны).

– *"Уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях"* (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с большим числом боезарядов).

– *"Оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью"* (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом).

Эта концепция стала революционным пересмотром традиционных взглядов. В годы холодной войны каждая сторона имела классовое восприятие противника как имманентного агрессора, независимо от конкретики его доктрин и состава вооружений. Такой взгляд оправдывал любые планы и средства первого ядерного удара [см. Arbatov 1988: 2017]. Теперь вместо этого взаимно была принята предпосылка, что первый ядерный удар считается агрессией, независимо от того, какое государство его нанесло. А цель первого удара – не что иное, как предотвращение или существенное ослабление ответного удара противника путем поражения его стратегических сил на стартовых позициях и отражения возмездия выживших средств с помощью противоракетной обороны (ПРО).

В результате этого исторического интеллектуального прорыва стратегические ядерные силы (СЯС)[2] были по умолчанию изъяты из сакраментальной формули-

[1] Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. – *Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы.* М.: Политиздат. 1990. С. 197-199; *Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability.* 01.06.1990. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541 (accessed 15.03.2018).

[2] Для целей настоящей статьи термин СЯС употребляется почти как синоним термина СНВ, хотя в будущем может возникнуть расхождение ввиду развития СНВ с неядерными боевыми частями.

ровки Карла фон Клаузевица: “Война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, проведение ее иными средствами” [Клаузевиц 1937: 52]. Согласно логике Совместного Заявления от 1990 г., если ни одна из сторон не имеет возможности первым ударом существенно снизить свой ущерб от возмездия другой стороны, то первый удар теряет смысл. Он не станет продолжением политики даже в случае острого конфликта интересов государств. Специалисты иногда называют это состояние отношений “кризисной стабильностью”. Такой военный баланс ослабляет стимулы к продолжению гонки вооружений, особенно если согласовано примерное равенство (паритет) по важным параметрам стратегических сил. Эту сторону отношений нередко определяют как “стабильность гонки вооружений”.

Руководство великими державами сейчас представлено новым поколением политиков, чиновников и военных, которые постоянно обращаются к теме стратегической стабильности, но не всегда знают генезис термина. Эта концепция уходит истоками в 1960-е годы, а ее автором на официальном уровне был министр обороны США Роберт Макнамара. В своей речи (Сан-Франциско, 1967 г.) он сказал: “Сдерживание преднамеренного нападения на Соединенные Штаты и их союзников гарантируется поддержанием высоконадежной способности навлечь неприемлемый ущерб на любого агрессора... даже после принятия на себя его первого удара” [McNamara 1968: 51-67]. Такую же возможность он признал за Советским Союзом. После этого министр заметил: “Каковы бы ни были их намерения, каковы бы ни были наши намерения, действия... каждой стороны, относящиеся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывает противодействие другой стороны. Это именно тот феномен действие-противодействие, который питает гонку вооружений”. Макнамара указал и выход из порочного круга: “Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом в основном потому, что феномен действие-противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы” [там же].

Через несколько лет эта логика была принята Москвой, и в 1972 г. блестяще воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1). Затем, в 1979 г., был подписан второй Договор об ограничении наступательных вооружений (ОСВ-2). Правда, тогда концепция стратегической стабильности еще не была согласована, вместо нее использовался туманный и субъективный термин “равенства и одинаковой безопасности”.

По концепции “стратегической стабильности” достигли согласия при обсуждении Договора СНВ-1, подписанного в 1991 г. В его сложнейших положениях и ограничениях были воплощены все принципы этой концепции. Потом они нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993 г.), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997 г.), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и ПРО театра военных действий (1997 г.), Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП от 2002 г.) и текущем Договоре СНВ (или, как его называют в России, СНВ-3 от 2010 г.).

В итоге этих соглашений стратегический баланс сейчас выглядит неизмеримо более стабильным (по критериям, согласованным в 1990 г.), чем было на пороге 1990-х годов перед подписанием Договора СНВ-1. Разрешенные предельные уровни стратегических вооружений сократились по боезарядам примерно в 6 раз, по развернутым носителям – почти в 3 раза. Соотношение числа боезарядов к носителям изменилось с 5:1 на 2:1. Средства повышенной

выживаемости[3] тогда составляли 30-40%, а теперь – 60-70% СЯС России и США [Ежегодник СИПРИ 2016: 648-717; SIPRI Yearbook 1990: 14-16].

Реалистические модели гипотетического обмена ядерными ударами показывают, что нападение любой стороны не способно поразить более 50% сил другой, причем для этого будет израсходовано на 20% больше средств, чем поражено [Дворкин 2017: 67-68]. Иными словами, нападающий разоружил бы сам себя – у другой стороны выжило бы больше сил, чем осталось у агрессора, для нанесения ответного удара по своему выбору.

До последнего времени программа модернизации российских СЯС в рамках Государственной программы вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020) была рациональной и своевременной – ввиду массового вывода из строя систем, принятых в 1980-1990-е годы. На суше сначала развертывались моноблочные МБР шахтного и грунтово-мобильного базирования: "Тополь-М" (РС-12М2, а по западной классификации *SS-27*) и практически аналогичные ракеты с разделяющейся головной частью (РГЧ) типа "Ярс" (РС-24 или *SS-27 Mod2*). Спускались на воду подводные ракетоносцы типа "Борей" (955-го проекта, головной крейсер "Юрий Долгорукий" – *Delta V*) с новым типом баллистических ракет "Булава-30" (РСМ-56 или *SS-N-32*). В целом по ГПВ-2020 предполагалось принять на вооружение 400 новых стратегических баллистических ракет и 8 подводных лодок-ракетоносцев[4]. Стратегическая авиация поддерживалась в прежнем составе тяжелых бомбардировщиков типа Ту-95 и Ту-160 с крылатыми ракетами воздушного базирования типа Х-55 (*AS-15*).

Что касается Соединенных Штатов, то в следующем десятилетии они тоже начнут большой цикл обновления своей стратегической триады. С середины 2020-х годов будет развертываться новый бомбардировщик Б-21 (*B-21*) и новая авиационная ядерная крылатая ракета большой дальности. С конца 2020-х годов – очередное поколение наземных моноблочных МБР, а с начала 2030-х – новая морская ракетная система на смену подводным лодкам типа "Огайо" и ракетам "Трайдент-2" (12 подводных лодок типа "Колумбия" по 16 БРПЛ на каждой)[5]. С некоторыми исключениями обе программы модернизации соответствуют двум из трех принципов стратегической стабильности, согласованных в 1990 г.: уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью.

Но по первому принципу ("взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями") между сторонами возник глубокий раскол, создавший тупик на переговорах по СНВ и придавший новый импульс гонке вооружений.

Противоракетная конфронтация

Ответственность за обострение противоречий вокруг противоракетной системы несут Соединенные Штаты. Они вышли из Договора по ПРО в 2002 г.,

[3] Под средствами повышенной выживаемости имеются в виду ракетные силы морского и наземно-мобильного базирования, тяжелые бомбардировщики не учитываются, так как не содержатся в состоянии высокой боевой готовности, имеют длительное подлетное время и негарантированно прорывают противовоздушную оборону противника.

[4] Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России. – *Российская газета*. 20.02.2012. Доступ: http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html (проверено 20.12.2013).

[5] *Nuclear Posture Review*. Office of the Secretary of Defense. Washington DC. February 2018. P. 48-50. URL: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL (accessed 15.03.2018).

одновременно подписав с Россией Декларацию с обязательством совместно развивать противоракетную систему[6]. Однако затем, не дожидаясь результата переговоров, они в 2004 г. объявили об одностороннем развертывании такой системы в США, Чехии и Польше, а России предложили к ней присоединиться. Москва отказалась от такого подхода, претендуя на равноправное сотрудничество и учет ее специфических противоракетных интересов (хотя они никогда не были конкретизированы). А Вашингтон упорно продвигал свою программу, пользуясь общественным шоком от терактов 11 сентября 2001 г.

В своем Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г., которое было оглашено в Манеже, президент Владимир Путин объяснил важность Договора по ПРО, из которого США вышли в 2002 г.: "...Данное соглашение... гарантировало от бездумного, опасного для всего человечества применения одной из сторон ядерного оружия, поскольку ограниченность систем противоракетной обороны делала потенциального агрессора уязвимым для ответного удара"[7].

Напомним, что первым, кто выдвинул эту идею на официальном уровне, был опять же Макнамара. Пятьдесят лет назад, сформулировав концепцию стратегической стабильности на основе обоюдной способности сторон к ответному удару, он сделал вывод о дестабилизирующей роли систем ПРО. Поскольку оборона могла сделать безнаказанным первый ядерный удар, заявил он, "если мы начнем развертывание плотной системы ПРО, то, сколько бы она ни стоила, мы можем быть уверены, что Советы среагируют с целью нейтрализовать любое преимущество, на которое мы могли бы надеяться" [McNamara 1968: 65]. Для своего времени идея о том, что система стратегической обороны могла усилить угрозу войны, была вполне революционной.

Не вдаваясь в историю вопроса, отметим, что СССР (Россия) и США шли примерно вровень в развитии систем ПРО, по очереди опережая друг друга на разных этапах. При этом акцент США на противоракетные системы развивался волнообразно, то резко возрастая, то падая до минимума[8]. В СССР (России) система совершенствовалась достаточно последовательно: поэтапно шла модернизация комплекса ПРО Московского региона и рассматривались возможности расширения обороны. При этом США периодически пытались создать ПРО для прикрытия ракетных баз или населения и экономики, а в СССР (России) акцент ставился на обороне военно-политического руководства, для которого к тому же были построены защищенные подземные центры.

При всей остроте нынешних противоречий России и США вокруг проблемы ПРО объективный военно-технический анализ показывает, что ни противоракетная программа США, ни программа Воздушно-космической обороны (ВКО) России не способны сколько-нибудь заметно повлиять на потенциалы ответного удара каждой из сторон.

---

[6] Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша-мл. о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. – *Министерство Иностранных дел РФ*. 24.05.2002. Доступ: http://www.mid.ru/ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/556350 (проверено 15.03.2018).

[7] Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года. – *Президент России. Официальный сайт*. 01.03.2018 Москва. Доступ: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (проверено 15.03.2018).

[8] Первый пик пришелся на 1969-1974 гг. (система "Сейфгард"), второй – на 1983-1987 гг. (СОИ), третий – на 2004-2009 гг. (ПРО в Европе). Новый этап, видимо, начнется в 2018 г. с расширения программы ПРО решениями администрации Д. Трампа. В СССР первая система ПРО А-35 поставлена на дежурство в 1974 г., вторая – А-135 в 1995 г. и готовится следующая – А-235.

Ударные (огневые) средства ПРО США сейчас состоят из 44 стратегических антиракет большой дальности типа ГБМИ (*GBMI – Ground-Based Midcourse Interceptor*) на Аляске и в Калифорнии (их число может вырасти до 64 по программе администрации Дональда Трампа). Они призваны перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). (Напомним, что Договор по ПРО от 1972 г., из которого США вышли в 2002 г., изначально позволял каждой из двух сторон иметь до 200 стратегических перехватчиков неограниченной дальности с ядерными боезарядами, в том числе большой мощности.)

Еще есть две наземные базы ПРО с системой другого класса: в сумме 48 антиракет типа "Иджис Ашор" (*Aegis Ashore*) в Румынии и Польше (возможно создание еще одной – в Японии). На 35 боевых кораблях развернуто несколько сотен таких же антиракет типа "Иджис" разных модификаций. Все комплексы второго класса защищают окружающие регионы в Европе и на Дальнем Востоке от баллистических ракет средней дальности, которых у России не должно быть согласно Договору по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г.

Чтобы упомянутая система морского базирования получила шанс на перехват российских МБР, все корабли должны выстроиться на постоянное дежурство в Арктике, невзирая на паковые льды и мощный Северный Флот России. Кроме того, оба класса упомянутых антиракет никогда не испытывались для перехвата МБР на разгонном участке траектории, не имеют соответствующих информационно-управляющих систем и сенсоров самонаведения для контактно-ударного (кинетического) перехвата взлетающих баллистических ракет.

Нынешние стратегические ядерные силы России – это 530 носителей и около 2 тыс. ядерных боеголовок баллистических ракет и крылатых ракет тяжелых бомбардировщиков. Суммарная разрушительная мощь – около 700 мегатонн[9], т.е. порядка 40 тыс. "хиросимских" бомб (!). В Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. президент В. Путин сказал: "...В России разработаны и постоянно совершенствуются весьма скромные по цене, но в высшей степени эффективные системы преодоления ПРО, которыми оборудуются все наши межконтинентальные баллистические ракетные комплексы". Речь идет как о ракетах прежнего поколения, так и о новых МБР типа "Тополь-М", "Ярс" и БРПЛ "Булава-30".

Для преодоления современной и любой реалистически прогнозируемой на следующие 10-15 лет американской системы ПРО этого потенциала вполне достаточно. Как показал кризис на Дальнем Востоке в 2017 г., у США нет уверенности, что их ПРО отразит хотя бы ракеты КНДР, и потому не может быть иллюзий, что ПРО защитит США от массированного ядерного удара России.

Российская система ПРО развивается в рамках программы воздушно-космической обороны (ВКО) в составе Воздушно-космических сил (ВКС). На эту программу было выделено около 20% ассигнований по Государственной программе вооружения до 2020 г., что составляло 4,6 трлн руб. (150 млрд долл. по курсу 2011 г.). Помимо модернизации существующих и создания новых элементов *средств предупреждения о ракетном нападении* (СПРН) в составе РЛС наземного базирования и космических аппаратов планируется развернуть 28 зенитных ракетных полков, оснащенных комплексами С-400 "Триумф" (около 1 800 зенитных управляемых ракет – ЗУР), а также 38 дивизионов (около 1 200 ЗУР) перспективной системы С-500 "Прометей". Кроме того, планируется создание новой интегрированной системы управления, а также модернизация

[9] Сивков К. Разоружен и очень опасен. – *Военно-промышленный курьер.* № 11. 22-28.03.2017. С. 1-4. Доступ: https://vpk-news.ru/articles/35718 (проверено 15.03.2018).

Московской системы ПРО А-135 (под новым названием А-235) с целью придания антиракетам потенциала неядерного перехвата[10].

В отличие от США, которые упорно отрицают антироссийскую направленность своей ПРО, Россия весьма прозрачно указывает, что ВКО предназначена для защиты от США и НАТО. В июне 2013 г., посещая завод по производству зенитных ракет, президент Путин заявил: "Эффективная ВКО – это гарантия устойчивости наших стратегических сил сдерживания, прикрытия территории страны от воздушно-космических средств нападения"[11]. Очевидно, что в обозримый период такими средствами могут располагать только США. Впрочем, в Соединенных Штатах не предъявляют претензий к России по поводу ее программы ВКО. Видимо, там уверены в неспособности российской системы ослабить американский потенциал ядерного сдерживания.

Односторонний выход США из Договора ПРО в 2002 г., неудача переговоров двух держав о совместном развитии систем ПРО в 2007-2011 гг.[12] повлекли существенную дестабилизацию их стратегических отношений. В своем Послании от 1 марта 2018 г. Путин сказал: "...При реализации планов по строительству системы глобальной ПРО, которое продолжается и сейчас, все договоренности в рамках СНВ-III постепенно девальвируются, потому что при сокращении носителей и боезарядов одновременно и бесконтрольно одной из сторон, а именно США, наращивается количество противоракет, улучшаются их качественные характеристики, создаются новые позиционные районы, что в конечном итоге, если мы ничего не будем делать, приведет к полному обесцениванию российского ядерного потенциала"[13].

В качестве ответа на американскую программу в Послании были обнародованы шесть программ и проектов новейших вооружений России. Первая система – тяжелая МБР "Сармат", которая разрабатывается несколько лет (испытания начались в 2017 г.) и является очередным поколением системы оружия, которая существует более полувека. Правда, вызывает сомнение объявленная ценность ее способности атаковать США через Южный полярный круг (что, кстати, могли тяжелые МБР с 1970-х годов). Такая траектория предполагает вывод ракеты на околоземную орбиту, а потом спуск с нее. Подлетное время будет намного дольше, чем через Северный полярный круг, а боевая нагрузка и точность, видимо, меньше. Перехватить такие ракеты США не могут как с севера, так и с юга – ввиду количества их боеголовок и средств преодоления ПРО. Но и внезапного удара с южных азимутов у России не получится: запуск ракет засекается спутниками, а подлет – радарами, которые на морских платформах можно отбуксировать к южным берегам США.

К тому же проблема тяжелых МБР в том, что их пусковые шахты стали уязвимы для ядерных ракет США (типа "М-Икс" и "Трайдент-2") уже 30 лет назад, и именно поэтому Россия в 1990-е годы перешла к наземно-мобильным пусковым

[10] Каждый пятый рубль – на ВКО. Войска воздушно-космической обороны получат на развитие пятую часть денег, выделенных на Госпрограмму вооружения до 2020 года. – *Военно-промышленный курьер.* 21.02.2012. Доступ: https://vpk-news.ru/news/403 (проверено 15.03.2018).

[11] Путин В. Россия будет наращивать возможности ВКО. – *Национальная оборона.* 2013. № 7. С. 22. Доступ: http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2013/0705/193911209/detail.shtml (проверено 15.03.2018).

[12] Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. – *Президент России. Официальный сайт.* 23.11.2011. Московская область, Горки. Доступ: http://www.kremlin.ru/events/president/news/13637 (проверено 15.03.2018).

[13] Послание Президента Федеральному Собранию... 01.03.2018.

установкам. Тяжелые ракеты стационарного базирования могут нанести первый удар (и навлечь ответный удар США в 900 мегатонн[14] – 60 тысяч "хиросим") или стартовать по сигналу космических и наземных СПРН до падения боеголовок противника. В последнем случае президенту останется несколько минут на принятие решения (подлетное время МБР – 30 мин., а БРПЛ – 15 мин.), и есть опасность войны из-за ложной тревоги или технической ошибки (которые не раз случались в прошлом). В отличие от текущих программ модернизации российских СЯС, система "Сармат" не соответствует двум принципам стратегической стабильности, согласованным в 1990 г.: уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и предпочтение средствам, обладающим повышенной выживаемостью (хотя это, конечно, не является нарушением какого-либо договора).

Вторая система из Послания Путина – крылатая ракета неограниченной дальности с атомным двигателем и ядерным зарядом. Если речь идет о настоящем атомном реакторе, то технический прорыв сам по себе впечатляет. Но зачем, как было показано на компьютерной графике, лететь, огибая мыс Горн, чтобы атаковать Калифорнию? Подлетное время составит много часов, точность наведения под вопросом, стоимость ракет возрастет, их количество будет ограничено. Сотни российских ядерных или неядерных крылатых ракет могут быстрее достичь целей коротким путем через северные моря, стартуя с тяжелых бомбардировщиков и многоцелевых атомных подлодок (системы ПРО США по ним не работают).

Третий проект – гиперзвуковой планирующий блок (ГПБ) стратегического класса. Он разрабатывался в СССР с середины 1980-х годов как ответ на программу Стратегической оборонной инициативы (СОИ) президента Рональда Рейгана. В последние годы США стали испытывать примерно такую же систему в рамках концепции "Быстрого неядерного глобального удара". Судя по Посланию от 1 марта, Россия быстро догнала и перегнала США на этом направлении, и ее система ГПБ "Авангард" может стать вариантом боевого оснащения ракеты "Сармат".

Нынешние межконтинентальные баллистические ракеты имеют более высокую скорость и меньшее подлетное время, чем перспективные гиперзвуковые системы[15]. Однако траектории баллистических ракет предсказуемы, запуск засекается спутниками после первой минуты полета и подтверждается радарами СПРН за 10-15 мин. до падения боеголовок. Поэтому у другой стороны остается теоретическая возможность отразить хотя бы ограниченный ракетный удар с помощью ПРО или нанести ответно-встречный удар – до подрыва боеголовок противника.

Старт разгонных ракетных ступеней гиперзвуковых планирующих систем, как и баллистических ракет, можно засечь со спутников, но после этого ГПБ "ныряют" в стратосферу и летят по непредсказуемым маршрутам. На протяжении большей части своей траектории такие средства попадают в "слепую зону" между направленностью излучения радаров ПРО и ПВО противника. Радиолокационные станции (РЛС) обнаружат их только за 3-4 мин. до подхода [Acton 2013: 33-63]. Достаточное количество таких средств с ядерными боеголовками могут создать угрозу разоружающего удара по защищенным объектам типа шахтных пусковых установок МБР и командных центров противника. Поскольку их траектория не позволяет своевременно подтвердить радарами приближение ГПБ после обнаружения запуска их носителей спутниками,

[14] Сивков К. Разоружен и очень опасен. – *Военно-промышленный курьер.* № 11. 22-28.03.2017. С. 1-4. Доступ: https://vpk-news.ru/articles/35718 (проверено 15.03.2018).

[15] Соответственно 7 км/сек. и 30 мин. для МБР и 3-5 км/сек. и 60 мин. для ГПБ.

постольку затрудняется возможность ответно-встречного удара, которая остается одной из оперативных концепций России и США. Поэтому нужно будет или отменить такую концепцию – или готовиться запускать МБР только по сигналу спутников СПРН, что резко увеличило бы опасность ядерной войны из-за ложной тревоги или технической ошибки[16].

С обычным боезарядом "Авангард" мог бы стать ответом на программу "Быстрого конвенционального глобального удара" США. Правда, ни там, ни в России пока не ясно, какие специфические задачи такая система должна выполнять и какие цели поражать, сколько будет стоить и в каком количестве производиться.

Наконец, четвертая – самая поразительная система – суперторпеда огромной дальности, скорости и глубины погружения с атомным реактором и мощным ядерным зарядом (она раньше именовалась "Статус-6" и предназначалась для доставки ядерного боезаряда в 100 мегатонн[17]). Эта система тоже родилась в начале 1980-х годов для удара из-под воды в обход космической СОИ. Но не ясно, зачем она нужна сейчас? Ведь полторы тысячи ядерных боеголовок российских баллистических ракет могут за 30 минут надежно поразить все вообразимые цели и на побережье, и в глубине территории любого противника. Торпеда будет идти к американским берегам несколько дней и потому вызывает сомнение как оружие ответного удара. Если мощность ее заряда 100 мегатонн (Мт), то она выглядит "ядерной экзотикой" (вроде супербомбы Хрущева в 60 Мт, испытанной на Новой Земле в 1961 г.). Какую задачу может решить такой взрыв на побережье или что может сделать поднятая подводным взрывом гигантская цунами – смыть радиоактивные руины, оставшиеся от предыдущего обмена ракетными залпами? В первом ударе, возможно, торпедная атака будет внезапной, но она не предотвратит ядерное возмездие США – их командные центры, шахты МБР расположены в глубине континента, ракетные подводные лодки в океане, а бомбардировщики – в воздухе.

Две остальные показанные в Манеже системы не относятся к стратегическим. Гиперзвуковая авиационная ракета "Кинжал" дальностью 2 000 км может, например, "отогнать" американские авианосцы за пределы радиуса их палубной авиации или поразить базы ПРО в Румынии и Польше (с которых в любом случае невозможно перехватить российские МБР). Лазерные комплексы наземно-мобильного базирования, вероятно, способны защищать важные объекты от крылатых ракет или будущих гиперзвуковых планирующих блоков.

В целом (с оговорками относительно системы "Сармат") обнародованные в Послании программы и проекты не противоречат принципам стратегической стабильности по Совместному Заявлению от 1990 г. Ни одна из них не нарушает имеющиеся договоры по ограничению ядерных вооружений. При решении вопроса об их производстве и развертывании необходимо оценивать соотношение их стоимости и эффективности с учетом уже имеющихся средств и других потребностей обороны. Если судить на основе открытой информации, парад военной техники в Манеже скорее служит повышению глобального престижа России, ее статуса передовой военно-технической державы мира. С точки зрения поддержания потенциала прорыва ПРО США

[16] Бывший министр обороны США Вильям Перри описывает случай паники из-за ложной тревоги ракетного нападения, когда дежурный офицер по ошибке вставил в компьютер учебную программу [Perry 2015: 52-53].

[17] Сивков К. Разоружен и очень опасен. – *Военно-промышленный курьер.* № 11. 22-28.03.2017. С. 1-4. Доступ: https://vpk-news.ru/articles/35718 (проверено 15.03.2018).

и сохранения стратегического паритета и стабильности данная программа представляется избыточной.

В последние годы Москва неоднократно заявляла, что не даст втянуть себя в гонку вооружений. И в некотором смысле она осталась верна этому обязательству: Россия теперь ни за кем не гонится (в отличие от СССР времен холодной войны), а сама выходит на передовые рубежи военно-технического развития, предоставляя другим догонять себя. В Послании эта тема многократно акцентировалась: "Как вы понимаете, – отметил президент, – ничего подобного ни у кого в мире пока нет. Когда-нибудь, наверное, появится, но за это время наши ребята еще что-нибудь придумают..."[18]. Вызов брошен, и на него, вероятно, последует тот или иной ответ США. Во всяком случае, Пентагон уже заявил об ускорении программы гиперзвукового оружия "Быстрого глобального удара" (БГУ) и наметил испытания на 2019 г.[19]

ВЫСОКОТОЧНОЕ ОРУЖИЕ И "ЯДЕРНЫЙ ПОРОГ"

Высокоточное оружие (ВТО) большой дальности в неядерном оснащении, наряду с беспилотными аппаратами, изменило характер локальных войн конца XX и начала XXI вв. (Ирак, Югославия, Ливия, Сирия). Это стало возможно благодаря новым информационно-управляющим системам (прежде всего космическим), которые позволяют повысить точность наведения боеприпасов до нескольких метров (вероятного отклонения). В конце концов это стало оказывать влияние на стратегический баланс и стабильность.

Сейчас США располагают более чем 6 000 крылатых ракет (КР) морского базирования (КРМБ) типа "Томагавк"[20] (*BGM-109*) дальностью около 1 800 км, а ВВС имеют около 140 КР (*AGM-84*) с обычными боеголовками и объявили о плане принять на вооружение новую КР такого класса (*AGM-158B JASSM-ER*) с увеличенной дальностью.

Россия тоже наращивает свои аналогичные средства. На вооружении состоят авиационные ракеты типа Х-55СМ и Х-555 и морские КР типа "Калибр" 3М-14 разных модификаций, а также развертываются новые КР воздушного базирования Х-101. К 2018 г. количество высокоточных крылатых ракет выросло более чем в 30 раз[21]. Эффективность этих систем была продемонстрирована в Сирии.

Крылатые ракеты наземного базирования средней дальности (от 500 до 5 500 км) для России и США запрещены по Договору РСМД. Аналогичные системы морского базирования с ядерными или обычными боезарядами никак не ограничены, а ракеты воздушного базирования для тех же двух держав косвенно ограничены Договором СНВ через число их стратегических носителей – тяжелых бомбардировщиков. Также над развитием КР возрастающей дальности работают Китай, Индия, Иран и другие страны.

Существующие неядерные крылатые ракеты имеют относительно ограниченную дальность (менее 2 000 км), дозвуковую скорость и длительное

[18] Послание Президента Федеральному Собранию... 01.03.2018.

[19] Tucker P. The US Is Accelerating Development of Its Own 'Invincible' Hypersonic Weapons. – *Defense One*. 02.03.2018. URL: http://www.defenseone.com/technology/2018/03 (accessed 15.03.2018).

[20] Они развернуты на четырех модифицированных стратегических подводных лодках класса "Огайо" по 154 ракеты на каждой (всего 616 КР), 25 многоцелевых подлодках класса "Вирджиния" и "Сивулф" (500 КР), а также на 22 крейсерах "Тикондерога" и 62 эсминцах типа "Арли Бёрк" (4 560 КР).

[21] Послание Президента Федеральному Собранию... 01.03.2018.

полетное время до целей (до двух часов). Поэтому на обозримое будущее создается следующее поколение высокоточного обычного оружия (ВТО), которое позволит наносить удары межконтинентальной дальности (более 5 500 км) с относительно коротким подлетным временем (до 60 мин.).

В США в рамках вышеупомянутой программы "Быстрого конвенционального глобального удара" основная система – это "Перспективное гиперзвуковое оружие" *AHW* (*Advanced Hypersonic Weapon*) с заданной дальностью до 8 000 км. Она использует ступени снятых с вооружения межконтинентальных баллистических ракет (МБР) для вывода в стратосферу и разгона управляемого гиперзвукового планирующего аппарата до скорости свыше 5М[22]. Параллельно и вне рамок программы БГУ испытывается гиперзвуковая авиационная крылатая ракета Х-51А "Уэйв Райдер" (*WaveRider*) с дальностью 1 800 км и скоростью 5М для оснащения тяжелых бомбардировщиков[23].

В России летные испытания гиперзвукового планирующего блока проводились в 1991-1992 и 2001-2004 гг. Ракетный комплекс "Альбатрос" (в последующем он обозначался как проект "4202" или "Ю-71") использовал для разгона МБР типа РС-18 (*SS-19* по западной классификации). В будущем ПКБ под названием "Авангард" (о котором объявил президент Путин в Послании 2018 г.) может быть установлен и с обычной боеголовкой на новой тяжелой ракете "Сармат", которая должна быть принята на вооружение после 2020 г.[24]

Помимо двух военных сверхдержав, гиперзвуковую систему испытывает также КНР. Система *WU-14* использует для разгона ступени старой жидкостной МБР *DF-5* и, вероятно, должна быть оснащена ядерным гиперзвуковым планирующим аппаратом для прорыва системы ПРО США. Кроме того, Китай испытывал баллистическую ракету средней дальности *DF-21C* с высокоточными неядерными боеголовками для поражения американских авианосцев. Вслед за Китаем начала программу гиперзвуковых систем Индия, но пока она находится в зачаточном состоянии.

Стратегическое влияние неядерных систем ВТО большой дальности в целом можно оценить как дестабилизирующее, хотя масштаб этого эффекта оценивается по-разному. На Валдайском форуме в 2015 г. президент Путин заявил: "Уже появилась концепция так называемого первого обезоруживающего удара, в том числе с использованием высокоточных неядерных средств большого радиуса действия, сопоставимых по своему эффекту с ядерным оружием"[25]. В том же духе высказывался вице-премьер Д. Рогозин, указав на

[22] Гиперзвуковой обычно называют скорость в пять и более раз превышающую скорость звука, то есть больше 1,7 км/сек. Скорость звука обозначается как 1 *Max* (1М) – 330 м/сек.

[23] В США провалились испытания второго гиперзвукового аппарата. – *Lenta.ru*. 12.08.2011. Доступ: https://lenta.ru/news/2011/08/12/htv2/ (проверено 15.03.2018); Зазнобина Е. Самая быстрая ракета в мире. – *Узнай все*. 2015. Доступ: http://www.uznayvse.ru/interesting-facts/samaya-byistraya-raketa-v-mire.html (проверено 15.03.2018).

[24] Райгородецкий А. 2011. Проект МБР "Альбатрос" (СССР). – *Dogs of War*. Доступ: http://www.dogswar.ru/oryjeinaia-ekzotika/raketnoe-oryjie/4945-proekt-mbr-qalbatros.html (проверено 15.03.2018); Рамм А., Корнеев Д. "Альбатрос" мировой революции – часть I. – *Военно-промышленный курьер*. 23.09.2015. Доступ: http://www.vpk-news.ru/articles/27160 (проверено 15.03.2018); Рамм А., Корнеев Д. Гиперсмерть на подходе. – *Военно-промышленный курьер*. 25.03.2015. Доступ: http://www.vpk-news.ru/articles/24407 (проверено 15.03.2018).

[25] Meeting of the Valdai International Discussion Club. – *President of Russia. Official website*. 22.10.2015. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/50548 (accessed 15.03.2018).

возможность США за несколько часов уничтожить без применения ядерного оружия до 90% стратегических сил России[26].

Тем не менее многие специалисты, в том числе из институтов Минобороны, полагают, что существующие дозвуковые крылатые ракеты не являются эффективным средством разоружающего удара по защищенным подземным объектам вроде шахтных пусковых установок МБР и командных пунктов. Например, для уничтожения пусковой шахты МБР с вероятностью 95% достаточно всего двух ядерных боеголовок ракет "Минитмен-3" или "Трайдент-2" с точностью (вероятным круговым отклонением) порядка 100 м. А для ее поражения неядерной крылатой ракетой при точности в 5 м потребовалось бы 14 таких ракет, а при точности в 8 м – 35 единиц[27]. Уничтожение порядка 200 российских объектов данного типа потребовало бы около 7 000 КРМБ "Томагавк" – больше, чем у США есть в наличии, и намного больше, чем может быть выдвинуто на передовые морские позиции.

При этом большинство позиционных районов МБР расположено вне досягаемости крылатых ракет морского базирования США. Спланировать подобный удар одновременно по нескольким сотням целей, расположенных на обширной территории России, практически невозможно. Создание группировки для такой операции потребовало бы длительного времени подготовки, которую невозможно скрыть.

В отношении возможности разоружающего удара с применением неядерных гиперзвуковых средств пока нет ясности. С одной стороны, при развертывании их (например, *AHW*) в США нападение не потребует длительной и заметной подготовки, а подлетное время и сама протяженность удара из-за гиперзвуковых скоростей будет намного короче (40-60 мин.). Вероятно, снизится потребность в количестве гиперзвуковых средств, как и возможность противодействия им со стороны обороны. Однако остается спорным, будет ли достаточна их точность для поражения защищенных объектов (шахты МБР, командные пункты). Смогут ли они уничтожать наземно-мобильные системы, для чего потребуется корректировка со спутников или летательных аппаратов на конечном участке траектории? Внешнее (*GPS-NAVSTAR*) или автономное наведение на конечном участке (электронно-оптическое или радиолокационное) потребует резкого снижения скорости ГПБ для снятия изолирующего эффекта плазмообразования от трения о воздух (на скоростях более 5М), что даст возможность противнику использовать радиоэлектронное противодействие или контактный перехват. Наконец, не ясно, будут ли эти дорогостоящие средства развернуты в достаточном количестве (много сотен единиц), чтобы создать угрозу российским стратегическим силам сдерживания.

Хотя в США отрицают наличие планов нанесения ударов с использованием неядерных систем ВТО по стратегическим силам России, несомненно, что незащищенные объекты СЯС уязвимы даже для существующих дозвуковых неядерных крылатых ракет. Сюда относятся радары СПРН, ПРО и ПВО, легкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы в базах и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, пункты связи с космическими аппаратами дальней авиацией. Нанесение высокоточных неядерных ударов тем более возможно по объектам экономики

[26] Текст выступления Дмитрия Рогозина на пресс-конференции в "РГ". – *Российская газета*. 28.06.2013. Доступ: https://rg.ru/2013/06/28/doklad.html (проверено 15.03.2018).

[27] Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится. – *Военно-промышленный курьер*. 21.10.2015. Доступ: http://vpk-news.ru/articles/27617 (проверено 15.03.2018).

и инфраструктуры: электростанциям, нефтеперерабатывающим предприятиям, транспортным узлам, центрам связи [Einhorn 2017]. Видимо, средства и планы таких ударов лежат в основе концепции "неядерного (обычного) сдерживания", давно включенной в военную доктрину США.

В российской Военной доктрине потенциал высокоточных средств США определяется как главная угроза национальной безопасности, а в качестве первоочередной задачи ставится "обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения"[28]. На эту тему в последние годы появилась обширная специальная литература[29]. В ответ на указанную угрозу Россия не только строит эшелонированную оборону в рамках ВКО, но в последние годы развивает аналогичные наступательные возможности для целей "обычного сдерживания", обозначенного в Военной доктрине РФ[30]. Упомянутая в президентском Послании от 1 марта 2018 г. крылатая ракета межконтинентальной дальности с атомным двигателем могла бы (помимо существующих КР) выполнять такие задачи, если бы она была оснащена обычным зарядом и обладала достаточной точностью. Более существенные возможности предоставят, вероятно, перспективные гиперзвуковые системы, если они будут оснащены неядерными боеголовками.

В американском ядерном "Обзоре" от 2018 г., видимо, под впечатлением от использования ВТО России в Сирии, впервые в качестве угрозы названа способность РФ нанести обычные удары по американским населенным центрам и экономической инфраструктуре, пунктам информационно-управляющей системы и объектам ядерных сил США, на что они намерены отвечать ядерным оружием[31].

Многие нынешние и будущие средства ВТО и их носители имеют двойное назначение, и их применение до самого момента подрыва будет невозможно отличить от ядерного удара. Это относится к тяжелым и средним бомбардировщикам, тактической ударной авиации с ракетами и авиабомбами, кораблям и многоцелевым подводным лодкам с ракетным оружием двойного назначения: КРМБ "Калибр", "Томагавк" [32], авиационные крылатые ракеты типа Х-101/102. Пока нет ясности и в отношении того, будет ли российская гиперзвуковая система оснащена обычным боезарядом или ядерной боеголовкой[33].

Широкое развертывание высокоточных обычных систем оружия большой дальности и их переплетение со средствами и военными задачами ядерных вооружений – одна из самых серьезных новых опасностей. Это особенно явно

---

[28] Военная доктрина Российской Федерации. – *Министерство Иностранных Дел РФ*. 2014. Доступ: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/589760 (проверено 15.03.2018).

[29] Демин А., Ашурбейли И., Богданов О., Третьяков Ю., Гареев М., Фаличев О. Серьезной угрозе адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространства. – *Воздушно-космическая оборона*. 13.08.2012. № 4. Доступ: http://www.vko.ru/strategiya/sereznoy-ugroze-adekvatnyy-otvet (проверено 15.03.2018).

[30] Военная доктрина Российской Федерации...

[31] Nuclear Posture Review... February 2018. P. 21.

[32] В 2010 г. США приняли решение вывести до 2013 г. из боевого состава все ядерные КРМБ "Томагавк", но в 2018 г. в "Обзоре ядерной политики" было объявлено решение вернуть ядерные КРМБ на вооружение многоцелевых подводных лодок.

[33] Рамм А., Корнеев Д. Гиперсмерть на подходе. – *Военно-промышленный курьер*. 25.03.2015. Доступ: http://www.vpk-news.ru/articles/24407 (проверено 15.03.2018).

в условиях нынешней военно-политической напряженности и наращивания военного противостояния России и НАТО. Такие системы и связанные с ними концепции и планы могут вызвать молниеносную эскалацию обычного локального конфликта и даже военного инцидента к ядерной войне. Тревожно и то, что по поводу названной угрозы на уровне высшего политического руководства великих держав не проявляется никакого беспокойства – во всяком случае, публично. Указанные сценарии эскалации к ядерной войне как бы "обходят с фланга" классическую модель стратегической стабильности, исключающую первый (разоружающий) ядерный удар любой из двух сторон.

ОГРАНИЧЕННАЯ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА

"Авторское право" на идею ограниченной ядерной войны, как и большинство других стратегических концепций и систем ядерного оружия, принадлежит США. Во времена холодной войны, с конца 1950-х годов, эта философия проявилась в разнообразных формах и прошла ряд стадий эволюции [Enthoven 1971: 175-207][34]. Но все эти планы разбивались о вероятность массированного ядерного ответа СССР, который категорически отвергал подобные идеи и усиливал потенциал "сокрушительного возмездия" [Соколов 1968: 14-20; Толубко 1977: 42].

Однако в 2003 г. в официальных документах министерства обороны России возникли новые веяния – была выдвинута идея "деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения". Причем предполагалась возможность "дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания"[35]. Последующие документы и издания Военной доктрины РФ не упоминали подобных концепций. Но они и не исключают такого рода действий, поскольку не уточняют, каким образом Россия может "применить ядерное оружие... в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства"[36].

В условиях текущего наращивания военного противостояния России и НАТО и активности их вооруженных сил в непосредственной близости друг от друга любой локальный конфликт может быстро повлечь применение тактического ядерного оружия. Хотя его арсеналы сократились с начала 1990-х годов на порядок, несколько сотен единиц и сейчас находится на складах обеих сторон в Европе и могут быть быстро переданы в войска. Еще большую угрозу скоротечной эскалации создали бы ядерные средства средней дальности, если бы они были развернуты в случае разрыва Договора РСМД.

В последнее время в российскую профессиональную печать через публикации бывших и действующих военных специалистов стали периодически просачиваться концепции избирательных ядерных ударов. Например, в одной из них подчеркивается: "Ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам. Поэтому... первое ядерное

[34] *New York Times*. 11.01.1974. P. 6; Newsweek. 04.02.1974. P. 23; *Department of Defense Annual Report*, FY 1975. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office. 1974. P. 38, 40-41.

[35] *Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации*. М.: Министерство обороны. 2003. 42 с.

[36] Военная доктрина Российской Федерации...

воздействие Российской Федерации может носить ограниченный характер”[37]. Но дело не сводится к теории. Например, российско-белорусские большие маневры “Запад–2017” осенью 2017 г. увенчались пуском четырех стратегических баллистических ракет морского и наземного базирования[38]. Официальные источники не потрудились объяснить, явилось ли это имитацией массированного ответного удара в соответствии с логикой ядерного сдерживания – или экспериментом по стратегии ядерной эскалации в целях “деэскалации агрессии”.

В 2018 г. в ядерном “Обзоре” США эта тема стала центральной: “Недавние российские заявления в духе развития ядерной доктрины создают впечатление о снижении порога первого применения ядерного оружия со стороны Москвы. Россия демонстрирует свое представление о преимуществах систем такого оружия путем многочисленных (военных) учений и заявлений. Исправление этого ошибочного российского взгляда стало стратегическим императивом. В качестве реакции на такие вызовы и в целях сохранения стабильности сдерживания Соединенные Штаты будут расширять гибкость и диапазон своих подогнанных опций сдерживания”[39].

Как средство ограниченных ядерных ударов планируется оснастить часть БРПЛ “Трайдент-2” боеголовками пониженной мощности, создавать перспективные ядерные крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (*LRSO – long-range stand-off missile*), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (*B-61-12*) для тактической и стратегической авиации и КРМБ в ядерном оснащении[40]. В России, помимо оперативно-тактических ядерных средств, в этом контексте неофициально обсуждается уже не раз упомянутая МБР “Сармат” с ядерным гиперзвуковым планирующим блоком[41].

Несомненно, что концепции и средства избирательных ядерных ударов существенно снижают “ядерный порог”. В России избирательные удары обсуждаются как ответ на массированную неядерную “воздушно-космическую агрессию” США и НАТО[42]. А в США такие избирательные “опции” теперь выдвигаются как реакция на стратегию эскалации в целях “деэскалации” со стороны России. Разработка сторонами планов и средств ограниченных ядерных ударов угрожает мгновенно перевести на глобальный уровень любое локальное (и даже случайное) вооруженное столкновение двух сверхдержав в Восточной Европе, Балтийском или Черном морях, Арктике или Сирии. В этом еще одна реальная угроза “флангового обхода” стратегической стабильности, которую нельзя было предвидеть четверть века назад.

---

[37] Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. “Аэростат – друг “Сармата”. – *Военно-промышленный курьер.* No. 39 (654). 12-18.10.2016. С. 6.

[38] Заквасин А. “Нерядовые учения”: Путин провел запуск четырех баллистических ракет в рамках маневров стратегических сил России. – *RussiaToday*. 27.10.2017. Доступ: https://russian.rt.com/russia/article/443638-strategicheskie-sily-putin-ucheniya (проверено 15.03.2018).

[39] Nuclear Posture Review... February 2018. P. 12.

[40] Ibid. P. 14.

[41] Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. “Аэростат – друг “Сармата”...

[42] Демин А., Ашурбейли И., Богданов О., Третьяков Ю., Гареев М., Фаличев О. Серьезной угрозе адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространства. – *Воздушно-космическая оборона*. 13.08.2012. № 4. Доступ: http://www.vko.ru/strategiya/sereznoy-ugroze-adekvatnyy-otvet (проверено 15.03.2018); Суханов С. ВКО – это задача, а не система. – *Воздушно-космическая оборона*. 29.03.2010. Доступ: http://www.vko.ru/koncepcii/vko-eto-zadacha-ne-sistema (проверено 15.03.2018).

Послание президента от 1 марта 2018 г. в определенном смысле стало ответом на "Обзор ядерной политики" администрации Трампа. В нем правильно и ясно сказано: "Любое применение ядерного оружия против России или ее союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями"[43]. Не хватает только одного – столь же безоговорочного заявления, что Россия не имеет концепций ограниченной ядерной войны или эскалации в целях "деэскалации"и не верит в ее возможность.

КОСМОС И КИБЕРПРОСТРАНСТВО

Космическое пространство стало военной средой уже в 1950-1960-е годы – сначала для ядерных испытаний и пролета баллистических ракет, а потом для их перехвата системами противоракетной обороны. Впрочем, масштабная милитаризация космоса не началась, если не считать нескольких серий экспериментов и созданных, а затем выведенных из боевого состава СССР и США противоспутниковых систем (ПСС) [Dvorkin 2010: 30-45]. Пока космические аппараты (КА) обеспечивают информационно-управляющую поддержку вооруженных сил, применяемых на суше, в море и воздухе, а также баллистических ракет и антиракет ПРО наземного и морского базирования. Тем не менее, ввиду растущей военной роли космоса, в будущем он может стать новым театром гонки вооружений и возможного применения силы[44].

В США разрабатывается лазерная система на базе авиационной противоракетной и противоспутниковой системы *ABL* (*Airborne Laser*). Стадию испытаний проходит модифицированная противоракетная (противоспутниковая) система морского базирования Aegis ("Иджис") с ракетами "Стандарт-3" (ее использовали в 2008 г. для эксперимента по уничтожению отслужившего спутника США). Также ведутся работы по созданию многоразового космического маневрирующего аппарата – SMV (*Space Maneuvering Vehicle*), вероятно, для решения в том числе противоспутниковых задач [ibid.: 30-45].

Официальный источник Министерства обороны РФ представил обзор российских противоспутниковых систем, которые в прошлом были выведены из боевого состава, но могут вернуться в строй. К ним относятся комплекс "ИС-МУ" на базе стратегической МБР на полигоне Байконур; система поражения низкоорбитальных КА в составе самолета МиГ-31 и ракеты-перехватчика ("Контакт"); технический задел по ракетно-космическим комплексам "Наряд-ВН" и "Наряд-ВР" на основе боевых ракет типа РС-18 (*SS-19*); разработка лазерного комплекса авиационного базирования. Против КА на низких орбитах противоспутниковые возможности закладываются в системы зенитных ракетных комплексов С-400 и С-500[45]. Недавно в прессу просочилось заявление представителя Минобороны о разработке новых противоспутниковых систем типа "Рудольф" и "Нудоль", однако подробностей не сообщалось.

[43] Послание Президента Федеральному Собранию... 01.03.2018.

[44] В настоящее время в околоземном космическом пространстве активно функционируют около 1 738 космических аппаратов, из них 803 принадлежат США, 142 – России, 204 – КНР, 41 – Индии. В сумме спутники военного назначения составляют около 40% от общего числа орбитальных аппаратов. (*UCS Satellite Database*. Union of Concerned Scientists. 31.08.2017. URL: http://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.WCHPuE2LSUk (accessed 15.03.2018).

[45] Россия разрабатывает противоспутниковое оружие – Минобороны. – *РИА "Новости"*. 05.03.2009. Доступ: https://ria.ru/defense_safety/20090305/163953438.html (проверено 04.04.2018).

В создании космических вооружений от двух ведущих держав стремится не отставать КНР. Яркой иллюстрацией этого стало испытание противоспутникового оружия в 2007 г., когда ракета средней дальности поразила китайский метеорологический спутник.

Российская и американская стратегическая мысль все более уверенно трактует космос как новый важнейший театр военных действий. Причем, в отличие от прошлых времен, теперь это относится не только к глобальной ядерной войне, но и к конфликтам с применением обычных вооружений. Предположительно, в них США/НАТО будут иметь превосходство по высокоточным системам оружия большой дальности, но также и значительную уязвимость, ввиду их зависимости от космических информационно-управляющих систем, чем Россия не может не воспользоваться.

Гонка космических вооружений, в том числе их размещение в космосе, угрожает серьезной дестабилизацией стратегической обстановки, ростом угрозы быстрой эскалации вооруженного конфликта к ядерной войне. Так, атака на КА предупреждения о ракетном нападении, скорее всего, рассматривалась бы Россией и США как начало ракетно-ядерного нападения. Спутники такого класса (российские системы серии "УС-К Око" и новые аппараты "Единой Космической Системы обнаружения и боевого управления"[46]) и американские спутники (*DSP* и *SBIRS*) размещаются на геостационарной или высокоэллиптических орбитах. Если будут развернуты противоспутниковые вооружения повышенной дальности, то и эти спутники могут попасть под удар.

Другие аппараты на высоких орбитах (типа российских ГЛОНАС и американских *GPS/NAVSTAR*, а также спутников связи *MILSTAR*, *AEHF* и российские КА серий "Молния", "Меридиан") одновременно обслуживают силы общего назначения и стратегические ядерные силы сторон. Их уничтожение в ходе обычного вооруженного конфликта тоже угрожает эскалацией войны к ядерному уровню. Таким образом, развитие космического оружия представляет собой двойную угрозу стратегической стабильности, хотя напрямую не соприкасается с ее классической формулой 1990 г.

Учитывая высшую степень секретности темы, нельзя сказать ничего конкретного о влиянии кибервойны на вероятность применения ядерного оружия. Скорее всего, ввиду изолированности систем управления СЯС, эти системы малоуязвимы для кибератак. В то же время более подвержены таким опасностям радиоканалы связи и управления космических аппаратов, особенно спутники СПРН. Их отключение или имитация ложных сигналов о ракетном нападении может вызвать непреднамеренную ядерную войну, в частности, в условиях сохранения планов и средств ответно-встречного удара с применением МБР наземного базирования.

Однако такая диверсия, ввиду угрозы спонтанного обмена ударами, едва ли может быть совершена одной из великих держав. Скорее всего, она будет исходить от террористов или государств-провокаторов в кризисной ситуации. Снижение такой опасности предполагает сотрудничество великих держав в выработке правил и процедур поведения, обмена информацией и совместного определения источников кибератак.

---

[46] Мясников В. Единая космическая система предупредит о ядерном нападении. – *Независмое военное обозрение.* 17.10.2014. Доступ: http://nvo.ng.ru/armament/2014-10-17/1_shojgu.html (проверено 15.03.2018); Горина Т. Россия осталась без "Ока": когда заработает новая космическая система предупреждения о ракетной атаке? – *Московский Комсомолец.* 11.02.2015. Доступ: http://www.mk.ru/politics/2015/02/11/rossiya-ostalas-bez-oka-kogda-zarabotaet-novaya-sistema-obnaruzheniya-raket.html (проверено 15.03.2018).

МНОГОСТОРОННЯЯ СТАБИЛЬНОСТЬ?

Выступая в российском Национальном исследовательском ядерном университете в январе 2014 г., Путин заявил: "Не только Российская Федерация обладает ядерным оружием, но и другие страны, их много, и они от этого средства вооруженной борьбы отказываться не собираются. В этих условиях сделать этот шаг Российской Федерации было бы в высшей степени странно, и это могло бы в сегодняшних условиях, хочу это подчеркнуть, привести к достаточно большим и тяжелым последствиям для нашей страны и нашего народа" [47]. Эта мысль не раз озвучивалась и на других форумах.

Президент Трамп и по этому поводу высказался аналогично, хоть и весьма путанно: "Мы наращиваем арсеналы практически всех вооружений... Откровенно говоря, мы вынуждены это делать, потому что другие это делают. Если они остановятся, то и мы остановимся"[48].

Москва официально называет расширение формата ядерного разоружения одним из основных условий перехода к следующему договору СНВ. По обмену данными о выполнении Договора СНВ, в феврале 2018 г. у России имеется 1 440 боезарядов на развернутых носителях, а у США – 1 390 единиц[49]. Остальные семь ядерных государств имеют по числу боезарядов такие арсеналы: Великобритания – 215, Франция – 300, КНР – 260, Индия – 110, Пакистан – 120, Израиль – 80, КНДР – 10 [Ежегодник СИПРИ 2016: 648-717; SIPRI Yearbook 1990: 3-51]. Поскольку остальные семь ядерных государств имеют в совокупности около 1 000 ядерных боезарядов, постольку требование об их ограничении выглядит вполне обоснованным.

Тем не менее эта политическая позиция не бесспорна. Во-первых, корректно сравнивать сопоставимые классы и типы систем оружия. Подавляющая часть арсенала третьих стран не относится к классу стратегических вооружений, охваченных Договором СНВ, причем значительная доля ядерных боезарядов находится на складском хранении. Если учесть все сопоставимые средства России и США, то на развернутых стратегических ракетах и бомбардировщиках, а также на складском хранении в качестве боеготового резерва для стратегических и тактических ядерных носителей[50], их количество составит порядка 4 000 ядерных боезарядов у каждой из двух держав. Таким образом, весь ядерный арсенал каждой из них в 4-5 раз превосходит совокупность средств третьих стран и на порядок или больше превышает ядерные силы каждой из них по отдельности.

Доля ядерных сил третьих стран в глобальном ядерном арсенале увеличилась с 2-3% в пике холодной войны до 10-20% в настоящее время. (Из-за полной закрытости официальной информации КНР, наряду с их огромным экономическим и научно-техническим потенциалом, разброс оценок их ядерных средств колеблется в диапазоне 260-900 единиц [Есин 2012: 27-35].)

[47] Отрывки из стенограммы встречи со студентами Национального исследовательского ядерного университета МИФИ. – *Президент России. Официальный сайт*. 22.01.2014. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20098 (проверено 15.03.2018).

[48] Morin R. Trump: U.S. will cease building nuclear arsenal if other countries stop first. – *Politico*. 12.01.2018. URL: https://www.politico.com/story/2018/02/12/trump-nuclear-arsenal-404491 (accessed 15.03.2018).

[49] На деле их на несколько сотен единиц больше, поскольку по правилам засчета Договора СНВ тяжелые бомбардировщики числятся как один носитель и один боезаряд. У каждой стороны примерно по 60 бомбардировщиков и реально каждый может нести по 12-16 авиационных ядерных крылатых ракет большой дальности.

[50] Приблизительность и переменчивость оценок связаны с "текучестью" партий боезарядов между резервами разных режимов готовности на складах и предприятиях по разборке и утилизации.

Однако в любом случае ядерное оружие "семерки" пока не оказывает существенного влияния на ядерный баланс между Россией и США.

Во-вторых, каждое из третьих государств развивает свои ядерные вооружения исходя из своих специфических интересов (сдерживание нападения с использованием ядерных или обычных средств, статус и престиж, козырь на переговорах, консолидация власти внутри страны). Эти интересы зачастую не соотносятся с ядерными силами двух главных держав и большинства других стран-обладательниц такого оружия. Например, озабоченность Пакистана или Индии никак не снижается от сокращения ядерных вооружений России и США. Пакистан и Индия опасаются друг друга, а Индия – еще и Китая. Израилю безразличны ядерные силы других государств, кроме Пакистана. Косвенно тревога Тель-Авива относится еще к КНДР из-за опасности утечки ядерных материалов исламским режимам, на сдерживание которых ориентирован израильский ядерный потенциал. Возможность ограничения ядерных сил Франции и Великобритании никак не связана с ограничением потенциалов США, Израиля, Индии, Пакистана и КНДР. Такой взаимосвязи не просматривается и в стратегических взаимоотношениях России с Индией. Ядерная программа Китая не соревнуется с аналогичными вооружениями Франции и Великобритании, Израиля, Пакистана или КНДР.

Тем не менее третьи ядерные государства и террористические организации сейчас заметно дестабилизируют стратегические отношения России и США, но не прямо, а опосредованно. Американская система ПРО, направленная на защиту от ракет КНДР и Ирана, воспринимается как большая стратегическая угроза Россией, из-за которой она прекратила переговоры по СНВ и осуществляет широкую программу вооружений против США, на которую те будут отвечать своими системами оружия. Развитие американских высокоточных обычных вооружений большой дальности (включая гиперзвуковые) против враждебных режимов, террористов и (по умолчанию) Китая – воспринимается в России как "угроза воздушно-космического нападения". На него дается российский ответ в виде как оборонительных программ (ВКО), так и наступательных систем – крылатых ракет и гиперзвуковых средств в обычном и ядерном оснащении. В ядерной доктрине США от 2018 г. это оценивается как новая угроза и влечет ускорение их военных программ. Озабоченность Москвы по поводу ракетно-ядерных систем средней дальности третьих стран дала ей повод официально усомниться в пользе Договора по РСМД[51]. На этом фоне начались взаимные обвинения России и США в его нарушении, что ныне вылилось в политический кризис отношений, ставящий под угрозу всю систему контроля над ядерным оружием.

Известный американский ученый Р. Легволд подчеркивает: "Биполярность американо-российских отношений в ядерной сфере быстро превращается в триполярность – в своих расчетах Москве и Вашингтону приходится учитывать меняющийся ядерный профиль Китая. То же самое относится к ядерному противостоянию Индии и Пакистана... Конфликт среди девяти государств, обладающих ядерным оружием, может вспыхнуть на ряде направлений. Здесь на размывание контуров международной политической системы накладывается изменение параметров ядерного мира, в результате чего оба они становятся менее стабильными и предсказуемыми" [Легволд 2017: 22-23].

Отмеченные тенденции тоже разрушают стратегическую стабильность, хотя не затрагивают напрямую ее формализованные в 1990 г. принципы. Для

[51] Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. – *Президент России. Официальный сайт.* 10.02.2007. Доступ: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (проверено 15.03.2018); Договор по РСМД не может действовать бесконечно, заявил Иванов. – *РИА-Новости*. 21.06.2013. Доступ: http://ria.ru/defense_safety/20130621/945019919.html (проверено 19.01.2015).

поддержания стабильности нужны новые принципы стратегических отношений великих держав и механизмы обоюдного отказа от опасных стратегических новаций. Но их невозможно создать в условиях распада контроля над ядерным оружием и неограниченной гонки вооружений.

"РЕНОВАЦИЯ" СТАБИЛЬНОСТИ

Впервые за полвека с лишним переговоров и соглашений по ядерному оружию мир оказался перед перспективой потери – уже в ближайшее время – договорно-правового контроля над этим самым разрушительным видом оружия в истории человечества. Наиболее слабым звеном стал Договор РСМД между СССР и США от 1987 г., который в ближайшем будущем может быть денонсирован. Кризис контроля над ядерным оружием проявляется и в том, что вот уже семь лет не ведется переговоров России и США по следующему договору СНВ – это самая затянувшаяся пауза за полвека таких переговоров. В 2021 г. истечет срок текущего Договора СНВ, и в контроле над стратегическими вооружениями возникнет вакуум. Уже два десятилетия по вине США Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) не вступает в законную силу. Конференция по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 2015 г. потерпела фиаско, и следующая такая Конференция в 2020 г. имеет все шансы на провал. Это будет означать крах ДНЯО – фактически, если не юридически.

Хотя нынешний мир многополярен, в данной сфере ведущую роль все еще играют Россия и США. В принципе обе державы оставляют дверь для разоружения открытой. В последнем Послании Путина после демонстрации новейших вооружений было сказано: "...Все работы по укреплению обороноспособности России проводились и проводятся нами в рамках действующих соглашений в области контроля над вооружениями, ничего мы не нарушаем... Не нужно создавать для мира новых угроз, а нужно, наоборот, садиться за стол переговоров и вместе думать над обновленной, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации"[52].

В "Ядерном обзоре" Трампа, хотя и с многочисленными оговорками, указывается: "Соединенные Штаты сохраняют намерение участвовать в разумной повестке контроля над вооружениями. Мы готовы рассмотреть возможности контроля над вооружениями, которые вернут стороны к предсказуемости и транспарентности, и будем приветствовать будущие переговоры по контролю над вооружениями..."[53].

К сожалению, никаких конкретных предложений пока не сделано, а объективное состояние стратегической стабильности продолжает деградировать. Представляется необходимым, чтобы две державы отодвинули на задний план все внешне- и внутриполитические противоречия и приняли срочные меры для исправления положения.

Первоочередная задача – спасение Договора РСМД. Вместо обмена обвинениями сторонам следует совместно выработать дополнительные меры проверки, чтобы устранить взаимные подозрения. Затем – заключение следующего договора СНВ на период после 2021 г. Во взаимосвязи с ним следует принять меры транспарентности и предсказуемости в развитии систем ПРО обеих держав и согласовать критерии для запрещения систем, угрожающих двусторонней стратегической стабильности. Также в новый договор СНВ, наряду с засчетом авиационных крылатых ракет по реальному оснащению бомбардировщиков (примерно как в Договоре СНВ-1), целесообразно включить стратегические

[52] Послание Президента Федеральному Собранию... 01.03.2018.

[53] Nuclear Posture Review... February 2018. P. 74.

вооружения в обычном и ядерном оснащении, в том числе гиперзвуковые системы, межконтинентальные крылатые ракеты и подводные аппараты. После этого – поэтапное и избирательное придание процессу ограничения и сокращения ядерного оружия многостороннего формата.

Было бы также исключительно важно обновить согласованные принципы стратегической стабильности с учетом изменений последней четверти с лишним века. Прежде всего, следует расширить само определение стабильности как российско-американских стратегических отношений, не только "*устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара*", но и "стимулы для любого применения ядерного оружия". Предотвращение нападения с использованием обычных вооружений должно опираться не на ядерную мощь, а на достаточные силы и средства общего назначения, а еще лучше – на соглашения типа Договора по обычным вооружениям в Европе (от 1990-1999 гг.). Желательны также и другие нововведения:

– Положение об "у*меньшении концентрации боезарядов на стратегических носителях*" и "*оказании предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью*" нужно дополнить обоюдным признанием того, что средства, угрожающие выживанию стратегических вооружений и их информационно-управляющих систем, являются дестабилизирующими и должны ограничиваться в приоритетном порядке.

– При выполнении указанного выше условия концепции запуска ракет на основании сигнала СПРН (встречный или ответно-встречный удар) должны быть на взаимной основе упразднены как создающие опасность ядерной войны из-за ложной тревоги, технической ошибки или кибердиверсии.

– Системы оружия, размывающие грань между ядерными и обычными средствами (т.е. двойного назначения), являются дестабилизирующими и должны быть предметом взаимных ограничений и мер доверия.

– Системы ПРО для защиты от третьих стран и негосударственных субъектов должны опять стать предметом обоюдно согласованной *"взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями*".

– Космические вооружения, прежде всего специализированные противоспутниковые системы, являются дестабилизирующими и подлежат проверяемым мерам запрета.

– Средства кибервойны против стратегических информационно-управляющих систем друг друга являются дестабилизирующими и должны быть объектом запрещения и мер доверия для противодействия провокациям третьих сторон.

– Обе стороны признают, что их ядерные доктрины и вооружения могут создать опасность непреднамеренной войны в результате эскалации кризиса, вопреки их взаимному желанию этого избежать, что должно стать предметом серьезного постоянного диалога между ними на государственном уровне.

– Обе стороны признают, что их военные программы оказывают влияние друг на друга и могут подстегивать гонку вооружений, что также предполагает регулярный обмен мнениями между заинтересованными ведомствами.

– Вовлечение третьих государств в процесс ограничения ядерных вооружений должно основываться на объективной оценке их сил и программ и согласовании последовательности, состава участников, предмета и методов ограничения их верификации.

В нынешней ситуации может показаться, что эти предложения – утопия. Однако опыт показывает, что текущая ситуация может измениться очень бы-

стро – как в лучшую, так и в худшую сторону. Чтобы не произошло второго, нужно приложить все усилия для первого – спасения стратегической стабильности как основы прекращения гонки вооружений и предотвращения ядерной войны.

Дворкин В. 2017. Сокращение наступательных вооружений. – *Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности*. Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский Центр Карнеги. 222 с.

Ежегодник СИПРИ 2016 "Вооружения, разоружение и международная безопасность" со Специальным приложением ИМЭМО РАН. 2017. Пер. с англ. Редкол.: А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский и др. М.: ИМЭМО РАН. 1044 с.

Есин В. 2012. Ядерная мощь Китая. – *Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений*. Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, С.Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН. С. 27-35.

Клаузевиц К.О. 1937. *О войне*. Т. I. М.: Госвоениздат. 440 с.

Легволд Р. 2017. Вызовы новой ядерной эпохи в условиях мирового (бес)порядка XXI века. – *Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности*. Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. Московский Центр Карнеги. М: Московский Центр Карнеги; РОССПЭН. С. 18-54.

Соколов В. 1968. *Военная стратегия*. 3 изд. М.: Воениздат. 502 с.

Толубко В. 1977. *Ракетные войска*. М.: Знание. 62 с.

Acton J. 2013. *Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 216 p.

Arbatov A. 1988. *Lethal Frontiers. A Soviet View of Nuclear Strategy, Weapons, and Negotiations*. New York: Praeger. 296 p.

Arbatov A. 2017. Understanding the US–Russia Nuclear Schism. – *Survival*. Vol. 59. No. 2. April – May. P. 33-66. https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1302189

Dvorkin V. 2010. Space Weapons Programs. – *Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security*. Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. P. 30-45.

Einhorn R., Pifer S. 2017. *Meeting U.S. Deterrence Requirements*. – *Foreign Policy* at *Brookings*. 48 p.

Enthoven A.C., Smith K.W. 1971. *How Much Is Enough? Shaping the Defense Program 1961-1969*. New York: Harper and Row Publishers. 394 p.

McNamara R. 1968. *The Essence of Security: Reflections in Office*. New York: Harper and Row. 176 p.

Perry W. 2015. *My Journey at the Nuclear Brink*. *Stanford University Studies*. Stanford, Calif.: Stanford Security Studies, an Imprint of Stanford University Press. 276 p.

SIPRI Yearbook 1990: World Armaments, Disarmament and International Security. 1991. Oxford: Oxford University Press. 714 p.

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.02

THREATS TO STRATEGIC STABILITY – IMAGINARY AND REAL

A.G. Arbatov[1]

[1]*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

ARBATOV Alexei Georgievich, Full Member of RAS; Director, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Email: arbatov@imemo.ru

Arbatov A.G. Threats to Strategic Stability – Imaginary and Real. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 3. P. 7-29. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.02

Received: 11.03.2018. Accepted: 28.03.2018.

Abstract. The practical concept of "strategic stability" was born in the late 1980s in the context of U.S.-Soviet START-I negotiations to serve as a foundation of deep strategic arms reductions. In the joint U.S.-Soviet Statement of June 1990, "stability" was defined as a state of strategic relations that is "removing incentives for a nuclear first strike "Alas, during the elapsed time U.S. and Russian understanding of this notion has diverged far apart and presently has virtually no common ground left. The effort to sustain this concept should be implemented through the revived U.S.-Russia dialogue. Obviously, the 1990 version of strategic stability has to be updated and refined to take into account some new developments that occurred during the elapsed time, in particular the deployment of BMD by the U.S., Russia, and some other nations. Another factor is the development of long-range precision-guided cruise missiles (and in the future – hypersonic systems), capable of attacking strategic forces of the opponent. Other challenges are potential space warfare systems; cyber warfare technologies; the growing nuclear forces of the third nuclear-armed states. Of special concern should be the ongoing disintegration of the arms control system and regimes. The new developments and issues mentioned above are the subject of this article as well as proposals on the measures and steps required to save and update the notion and state of strategic stability.

Keywords: nuclear arms; strategic stability; ballistic-missile defense; hypersonic weapons; nuclear doctrine; strategy.

References

Acton J. *Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 2013. 216 p.

Arbatov A. *Lethal Frontiers. A Soviet View of Nuclear Strategy, Weapons, and Negotiations*. New York: Praeger 1988. 296 p.

Arbatov A. Understanding the US–Russia Nuclear Schism. – *Survival*. Vol. 59. No. 2 (April – May 2017). P. 33–66. https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1302189

Clausewitz K. *Vom Krieg*. (Russ. ed.: Clausewitz K. *O vojne*. Moscow: Gosvoenizdat. 1937. 440 p.)

Dvorkin V. Sokrashhenie nastupatel'nyh vooruzhenij [Reduction of Offensive Weapons]. – *Policentrichnyj jadernyj mir: vyzovy i novye vozmozhnosti*. Pod red. A. Arbatova, V. Dvorkina [Polycentric Nuclear World: Challenges and New Possibilities. Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin]. Moscow: Carnegie Moscow Center. 2017. 222 p. (In Russ.)

Dvorkin V. Space Weapons Programs. – *Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security*. Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 2010. P. 30-45.

Einhorn R., Pifer S. Meeting U.S. Deterrence Requirements. – *Foreign Policy at Brookings*. 2017. 48 p.

Enthoven A.C., Smith K.W. *How Much Is Enough? Shaping the Defense Program 1961-1969*. New York: Harper and Row Publishers. 1971. 394 p.

Esin V. Jadernaja moshh' Kitaja [China's Nuclear Might]. – *Perspektivy uchastija Kitaja v ogranichenii jadernyh vooruzhenij*. Pod red. A. Arbatova, V. Dvorkina, S. Oznobishcheva [Prospects of China's Participation in Nuclear Arms Limitations. Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin, S. Oznobishhev]. Moscow: IMEMO RAN. 2012. P. 37-35. (In Russ.)

Legvold R. Vyzovy novoj jadernoj jepohi v uslovijah mirovogo (bes) porjadka XXI veka [The Challenges of a New Nuclear Age in the Conditions of the World (Dis)Order of the 21st Century]. – *Policentrichnyj jadernyj mir: vyzovy i novye vozmozhnosti*. Pod red. A. Arbatova, V. Dvorkina [Polycentric Nuclear World: Challenges and New Possibilities. Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin]. Moscow: Carnegie Moscow Center; ROSSPEN. 2017. P. 18-54. (In Russ.)

McNamara R. *The Essence of Security: Reflections in Office*. New York: Harper and Row. 1968. 176 p.

Perry W. *My Journey at the Nuclear Brink*. Stanford, Calif.: Stanford Security Studies, an Imprint of Stanford University Press. 2015. 276 p.

SIPRI Yearbook 1990: World Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press. 1991. 714 p.

SIPRI Yearbook 2016: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press. 2016. 892 p.

Sokolov V. *Voennaja strategija* [Military Strategy]. 3 izd. Moscow: Voenizdat. 1968. 502 p. (In Russ.)

Tolubko V. Missile Forces. – *Obshhestvennye nauki*. 1977. 62 p. (In Russ.)